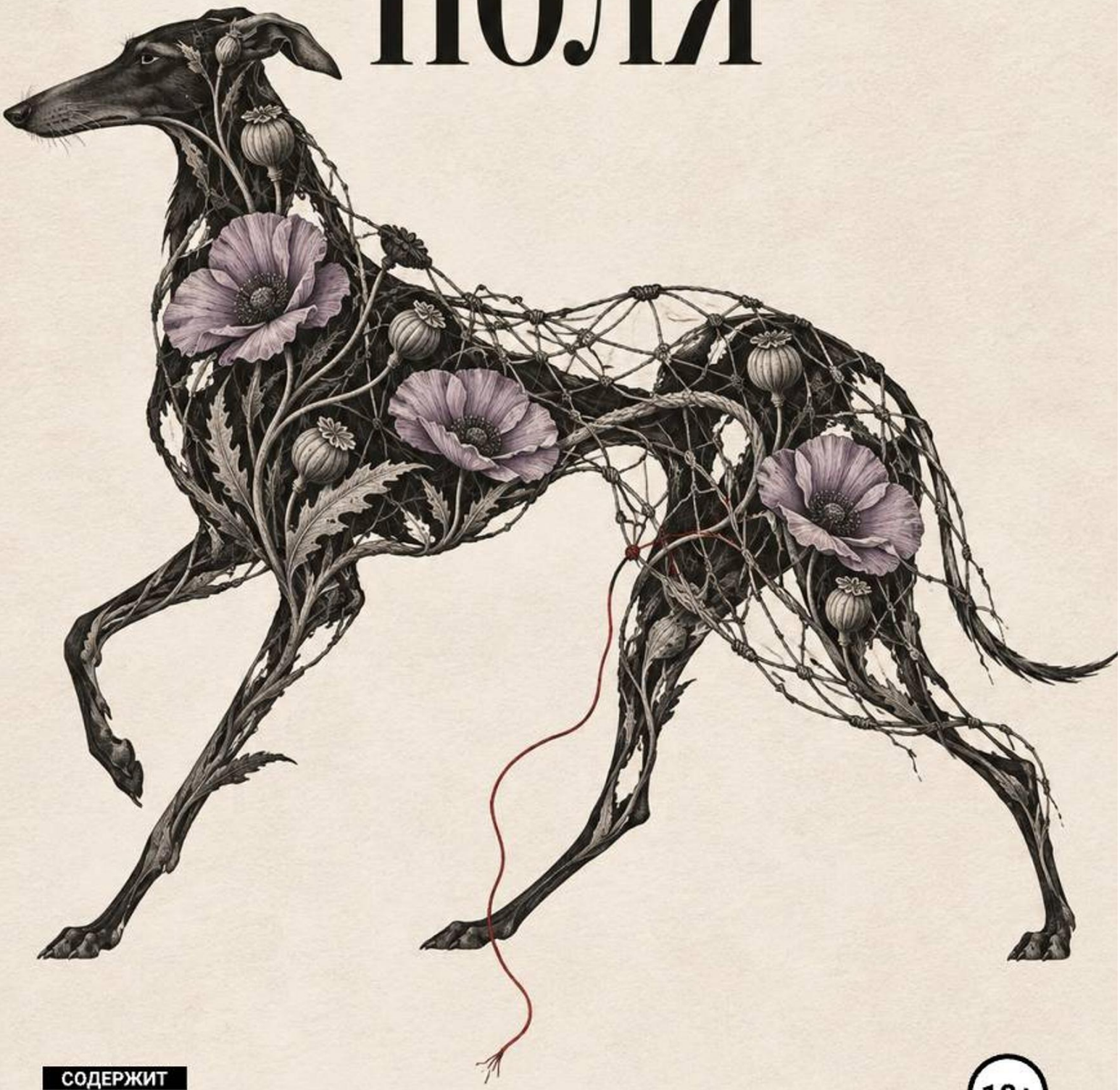
ПСЫ МАКОВОГО ПОЛЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ЯНА ЛЮТАЯ

Яна Лютая

Псы макового поля

«Автор»
2026

Лютая Я.

Псы макового поля / Я. Лютая — «Автор», 2026

Лето 2000 года, болота Восточной Англии. Деревня Морсли живёт маком: его растят для фармацевтической компании, и через двадцать восемь дней приедет инспектор, от которого зависит, будет ли у деревни следующий год. На рассвете смотритель поля Роан Клэй находит среди маков мёртвую девушку. За дело берётся детектив-инспектор Ананд. Она здесь чужая, а в Морсли не любят чужих вопросов. И своих здесь не выдают.Все события и персонажи вымышлены. Некоторые исторические детали намеренно изменены автором.

© Лютая Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Борозда 6
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 27
Глава 7 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Яна Лютая
Псы макового поля

Псы макового поля

Часть I. Борозда

Глава 1

Пятница, 7 июля 2000. До приезда Тью – 28 дней.

Роан вышла из дома без двадцати пять.

Небо висело низкое и серое. Июль, а изо рта шёл пар. Она застегнула куртку до горла, сунула фонарь в карман и пошла по гати к полю. Тарн, отцовский пёс, седой в морде, поднялся с крыльца и потрусил следом.

Морсли стояла в Фенне, на осушенных болотах востока Англии, где поля лежат ниже рек, а дороги идут по дамбам. Триста душ, паб, церковь без своего викария и сорок акров мака.

По краям гать ещё хлюпала, а середина за неделю просохла, и сапоги ступали по твёрдому. Справа тянулась канава. Роан на неё не смотрела. Пять лет не смотрела, и ноги сами держались левее.

Поле начиналось за дамбой. Сорок акров мака, ряд к ряду, коробочки с кулак. Вчера после обеда бабы прошли тут с нуштарами, и теперь на каждой коробочке темнели три косые бороздки, а по ним стоял загустевший за ночь сок. Через час придут сборщики со скребками и банками. До них смотритель должен обойти поле: не лазил ли кто ночью, не срезал ли чужого, не прошла ли где скотина.

Мак в Морсли растили законно. Весь сок до грамма скупал «Брандт», фармацевтическая компания, и делал из него морфин для больниц. Лицензию «Брандт» продлевал на год, после приёмки. Смотритель отвечал перед «Брандтом» за поле: за людей, за сторожей, за надсечку, за то, чтобы ни одна коробочка не ушла на сторону. А сок взвешивали в конторе компании, и у весов сидел их человек. Законно, но тихо. Лицензию Министерство внутренних дел выдало «Брандту» в виде исключения, как опытную программу: сок собирали по-старинному, вручную, надсечкой, потому что так морфин выходил чище. Во всей Англии таких полей было едва больше десятка, и компания очень следила, чтобы о них не писали в газетах.

Отец тридцать лет был смотрителем дренажей, ходил по канавам и шлюзам всего прихода. А когда десять лет назад пришёл «Брандт», компания взяла в смотрители поля его, первого человека в деревне, и Роан при нём. Последние два года, когда у отца сдало сердце, ходила одна. Ей было тридцать девять. Высокая, жилистая, руки в трещинах от сока. Она знала здесь каждую борозду.

Она шла по меже и поглядывала в ряды. Роса на листьях была холодная, штанины быстро намокли до колен.

Тарн вдруг встал. Поднял голову, повёл носом и свернул в мак.

– Тарн. Назад.

Пёс не вернулся. Это было на него не похоже: без команды он в ряды не лез никогда.

Роан выругалась и пошла за ним. В седьмом ряду торчала сломанная коробочка, в девятом ещё две. Дальше стебли были смяты, коробочки сорваны и раздавлены. Кто-то шёл поперёк рядов напрямик и ломал мак.

Тарн стоял в борозде и скулил над чем-то клетчатым.

Сначала Роан подумала: пьяная. Каждое лето кто-нибудь из сезонников напивался и засыпал в рядах, и она гнала их к весам пинками. Злость пришла раньше всего остального.

– А ну подъём! – Она схватила лежащую за плечо. – Ты что, совсем…

Плечо было холодное. Мокрое и холодное, сквозь рубаху.

Роан перевернула её на спину.

Голова мотнулась набок. Рыжие волосы прилипли ко лбу. Глаза были приоткрыты и смотрели мимо Роан, в серое небо. На щеке и на губах была земля.

Нелл Прайс.

Роан отдёрнула руки и села прямо в борозду. Поле качнулось. Она упёрлась ладонями в землю и сидела, пока оно не встало на место. Во рту стало кисло. Она сглотнула раз, другой.

Тарн подполз и ткнулся носом ей в локоть.

– Тихо, – сказала она псу. Голос был чужой.

Нелл Прайс, сезонница. В мае она нанялась на прополку, а с начала сбора сидела у весов в конторе и записывала за сборщиками вес. Двадцать три года.

Роан заставила себя посмотреть ещё раз. Рубаха промокла насквозь, джинсы тоже. Волосы на затылке слиплись в тёмный ком. Возле плеча из земли торчало горлышко бутылки из-под джина. Голова лежала у межевого столба «Брандта», бетонного, с выбитой буквой «Б». Угол столба был тёмный.

Она взяла Нелл за запястье. Пульса не было. Она знала, что его не будет, но держала пальцы и считала до двадцати. Руки тряслись, она сбивалась и начинала заново.

Потом отпустила и вытерла ладонь о штанину. Вытирала долго.

Мокрая, подумала она. В сухой борозде.

Мысль мелькнула и ушла. На её место встала другая.

Во вторник Нелл пришла к ней во двор.

Роан чинила калитку: нижняя петля разболталась, и калитка скребла землю. Она стояла на коленях с отвёрткой, когда на дорожку легла тень.

– Смотритель.

Роан не подняла головы. Довернула шуруп.

– Весы в конторе. До шести.

– Я не за весами.

Нелл обошла калитку и встала так, чтобы Роан её видела. Руки в карманах куртки, подбородок вздёрнут. Глаза злые и усталые.

– Я знаю, Клэй. Про то лето. Всё знаю.

Роан положила отвёртку на столбик. Медленно поднялась, отряхнула колени.

– Ты с утра пьяная, девка?

– Я трезвая. – Нелл усмехнулась одной стороной рта. – Трезвей тебя.

– Тогда иди работай.

– Признайся сама. – Нелл вынула руки из карманов. Пальцы у неё подрагивали, и она сжала их в кулаки. – До приёмки. Иначе я расскажу Тью. И в газету напишу. Мне терять нечего.

Роан смотрела на неё и молчала. Где-то за домом отец кашлял – долго, с сипом.

– Говори кому хочешь, – сказала Роан.

Нелл постояла ещё. Губы у неё дрогнули, она прикусила нижнюю. Потом развернулась и пошла к дороге. У столба обернулась.

– Он мне про тебя писал, – сказала она. – В каждом письме.

И ушла.

Роан до вечера чинила калитку. Петлю она так и не закрепила.

* * *

Теперь эта девка лежала в её поле.

Если она пришла сюда сама – пьяная, с бутылкой, в темноте, – и упала, значит, всё. Тело увезут в Слифорд, напишут бумагу, через месяц никто не вспомнит, как её звали. И то, что она знала, уйдёт с ней в землю.

А если не сама – приедут из города. Станут спрашивать, с кем она ссорилась. И кто-нибудь вспомнит, что во вторник рыжая стояла у калитки Клэев.

И ещё. Через двадцать восемь дней приедет Тью, инспектор «Брандта». Четвёртого августа, как каждый год, с весами и счётчиками. «Брандту» не нужна мёртвая девка на поле с лицензией. «Брандт» за меньшее уходил из деревень. Уйдёт «Брандт» – не будет работы ни у кого в Морсли. Ни у Мэгги Хоулт, которая одна тянет дочь. Ни у Финчей. Ни у Паев с их пятерыми.

Роан поднялась не сразу. Ноги плохо слушались.

Она огляделась. Ряды, дамба, серое небо. Ни души.

Она ничего не тронула. Повернулась и пошла к конторе – сначала шагом, потом быстрее.

* * *

Контора «Брандта» стояла в конце дамбы: кирпичная коробка, весы под навесом, решётки на окнах. Ключ у Роан был на общей связке. Она дважды не попала в скважину.

Внутри пахло мышами и табаком Восса, управляющего. Телефон стоял на его столе, чёрный, с треснутой трубкой. Роан набрала три девятки.

– Служба экстренной помощи. Какая служба вам нужна?

– Полиция. – Голос даже не дрогнул, она сама удивилась. – И скорая. В поле мёртвая девушка.

– Где вы находитесь?

– Морсли. Маковое поле «Брандта», за дамбой. Я смотритель. Клэй.

– Вы уверены, что она не дышит?

– Уверена. Она холодная.

– Вы её трогали?

– Перевернула. Думала, пьяная спит. Потом пульс искала.

– Больше ничего не трогайте. Встретьте машину у въезда и никого к ней не подпускайте.

Роан положила трубку. Посидела. Над столом Восса висел календарь с трактором, и на нём красным фломастером было обведено четвёртое августа. Поверх Восс написал: «ТЬЮ».

Она встала и вышла.

У ворот уже стояли первые сборщики. Мэгги Хоулт с дочерью, обе в резиновых перчатках, с ведёрками. Чуть поодаль курили братья Финч.

– Чего не отпираешь, Клэй? – крикнула Мэгги. – Сок стынет.

– Домой идите. Сегодня сбора не будет.

– Это ещё почему?

– В поле мёртвая. Рыжая, с весов.

Мэгги поднесла руку ко рту и так и оставила. Дочь вцепилась ей в рукав.

Старший Финч бросил окурок и затоптал.

– Пила, что ли?

– Бутылка рядом лежит, – сказала Роан.

И услышала, как это прозвучало. Она не соврала. Бутылка лежала.

– Ну я ж говорил, – Финч сплюнул. – Приезжая. Шлялась по ночам.

К половине шестого у ворот стояло человек пятнадцать. Говорили вполголоса, тянули шеи в сторону поля. Кто-то побежал за Воссом. Роан стояла поперёк дороги и никого не пускала.

По дамбе затрещал мотоцикл. Кол Дарби подкатил к самым воротам, заглушил мотор и снял шлем. Одиннадцать лет они с Роан жили вместе.

Он оглядел толпу, потом Роан.

– Что тут?

– Нелл Прайс. В девятом ряду.

Кол помолчал. Потёр ладонью щетину на подбородке.

– Сама?

– Не знаю. Бутылка там. И головой об столб.

– Ну. – Он кивнул. – Ну значит, сама.

Он развернулся к людям, и голос у него стал другой – спокойный, хозяйский.

– Так. Расходимся. Полиция приедет – кого надо, позовут. Мэгги, девчонку уведи, нечего ей тут. Финч, ты тоже.

Люди слушались его. Всегда слушались. Мэгги потянула дочь к домам, братья Финч побрели следом, оглядываясь.

Кол вернулся к Роан, стянул с себя куртку и накинул ей на плечи. Куртка была тёплая.

– Ты ледяная.

Он встал рядом, плечом к её плечу. Так и стояли.

Патрульная машина из Слифорда пришла в десять минут седьмого. Из неё вылез Дэнни Фрит, Альбертов сын, в полицейской форме и с блокнотом. Роан помнила его мальчишкой. За ним вылез грузный седоусый сержант, которого она не знала. Роан провела их по меже до девятого ряда. Дэнни посмотрел в борозду и отвернулся. Сержант отвёл его в сторону и что-то тихо сказал. Потом они натянули бело-синюю ленту от столба к столбу.

Скорая пришла следом. Фельдшер присел над Нелл, пощупал шею, глянул на часы.

– Шесть двадцать четыре, – сказал он сержанту. – Констатирую.

И ушёл курить к машине.

В семь у ворот остановилась белая машина. Из неё вышла женщина в светлом плаще, невысокая, очень бледная, с коротко стриженными чёрными волосами. На ней были городские туфли, и на первом же шаге по меже она ушла в землю по щиколотку. Поморщилась, но пошла дальше.

У ленты она присела над Нелл и долго не вставала. Смотрела на мокрый рукав. Потом на столб. Потом на её руки: рукава рубахи были закатаны выше локтя. На руки она смотрела дольше всего.

Затем поднялась, отряхнула плащ и пошла к Роан.

– Инспектор Ананд, уголовный розыск Слифорда. – Она не протянула руки. – Вы её нашли?

– Я.

– Во сколько?

– Без чего-то пять. Обход.

– И сразу позвонили?

– Сразу. Из конторы. – Роан кивнула на дамбу. – Ближе телефона нет.

– Значит, минут двадцать она лежала тут одна.

Роан пожала плечами.

– Я её перевернула. Думала, пьяная спит.

Ананд подняла глаза.

– Перевернули, – повторила она.

– Я ж не знала. – Роан сунула руки в карманы куртки. – Каждое лето кто-нибудь в рядах отсыпается.

Ананд ничего не ответила.

Ананд записала в блокнот. Писала она быстро, мелко, не глядя на страницу. Глаза у неё были тёмные и внимательные.

– Вы её знали?

– Видала. На весах сидела.

Ананд чуть свела брови.

– На каких весах?

Роан не сразу поняла вопрос. Тут все знали, какие весы.

– В конторе «Брандта». – Она кивнула на дамбу. – Сборщики по утрам сок сдают. Она взвешивала и в журнал писала.

– Сок, – повторила Ананд. Посмотрела на ряды коробочек, потом снова на Роан. – Маковый.

– Ну а какой.

Ананд коротко что-то записала и подчеркнула.

– И всё?

– И всё.

Ананд кивнула, закрыла блокнот и пошла обратно к ленте.

Роан смотрела ей в спину. Куртка Кола давила на плечи.

Вот и соврала, подумала она. С первого же слова.

Глава 2

Пятница, 7 июля 2000. До приезда Тью – 28 дней.

Пейджер запищал в шесть тридцать одну. Вивьен Ананд не спала.

Она вообще плохо спала последние восемь месяцев, с тех пор как её перевели в Слифорд. Лежала на спине и смотрела, как светлеет потолок. Квартира над прачечной, две комнаты, чужая мебель. У стены стоял чемодан, который она так и не разобрала до конца.

Она села, взяла пейджер с тумбочки. Номер дежурной части. Пошла в коридор к телефону босиком.

– Ананд.

– Доброе утро, мэм. – Дежурный жевал что-то и не скрывал этого. – Морсли, маковое поле за дамбой. Молодая женщина, мёртвая. Рана на голове, рядом бутылка. Сержант Пул просит уголовный розыск.

– Морсли – это где?

– Миль двенадцать на восток. Там одна дорога, по дамбе, не промахнётесь.

– Кто нашёл?

– Смотритель поля. Клэй.

Ананд прижала трубку плечом и уже натягивала джинсы.

– Скажите Пулу, чтоб никого к телу не пускал. Еду.

Через восемь минут она сидела в машине. Белая «Астра», служебная, с прожжённым сиденьем. Ананд закурила на первом светофоре и опустила стекло.

В Линкольне её бы на такой вызов не послали. В Линкольне у неё был свой отдел и своё имя. Потом в камере на Уэст-Парад умер человек, которого она допрашивала. Управление по жалобам на полицию её оправдало. А через месяц её перевели сюда, в сельский розыск, разбирать кражи тракторов и драки у пабов. Никто не сказал, что это наказание. Это все и так понимали.

За Слифордом кончились деревья.

Ананд в Фенне бывала, но каждый раз заново удивлялась. Земля лежала плоская до самого края, серая под серым небом. Дорога шла по насыпи, и поля были ниже неё. Вдоль дороги тянулись канавы с чёрной стоячей водой. Редкие фермы стояли далеко друг от друга, и у каждой – тополь. Других деревьев тут не сажали.

В июле Ананд пришлось включить печку.

* * *

Морсли она нашла по патрульной машине. Деревня стояла на гряде чуть выше полей: два десятка кирпичных домов, паб с выцветшей вывеской, церковь с квадратной башней. За дамбой начинался мак.

Ананд никогда не видела столько мака сразу. Ряды уходили к горизонту, коробочки стояли плотно, сизые, в косых надрезах. В воздухе висел горький запах.

У ворот стояли люди. Ананд видела, как они замолчали, когда она вышла из машины, и как проводили взглядом её туфли.

Туфли были городские. На первом же шаге по меже она ушла в землю по щиколотку.

У ленты её ждал сержант Пул, грузный, седоусый. Он был из Слифорда, в Морсли бывал редко и здешних почти не знал.

– Нелл Прайс, мэм. Сезонница, приезжая. Сидела у них на весах. Нашла смотритель около пяти, позвонила из конторы. Фельдшер констатировал в шесть двадцать четыре.

– Её трогали?

Пул помялся.

– Смотритель перевернула. Говорит, думала, пьяная спит.

– Говорит, – повторила Ананд.

Она надела перчатки и присела над телом.

Девушка лежала на спине, лицом в небо. Рыжая, с веснушками, совсем молодая. На губах земля. Ананд тронула рукав клетчатой рубахи. Мокрый. Она наклонилась ниже. Ткань пахла стоячей водой и тиной.

Она потрогала землю в борозде. Сухая, комками.

Голова лежала у бетонного межевого столба. Затылок был разбит, волосы слиплись от крови, и на углу столба темнело пятно. Всё сходилось: пьяная, упала, ударилась. Ананд это не понравилось. Слишком гладко сходилось.

Рукава мокрой рубахи были закатаны выше локтя. На белой коже, чуть выше сгиба, темнели четыре пятна в ряд, свежие, синевато-красные. Ананд обошла тело и посмотрела на другую руку, не трогая. Там было то же самое.

Ананд долго сидела на корточках. Колени затекли.

Потом она поднялась и пошла вдоль сломанных рядов. Кто-то шёл через мак напрямик, рвал коробочки горстями и топтал стебли. След шёл от дальнего края поля, оттуда, где за ивами угадывалась какая-то дорога.

– Сержант. Что там?

– Старая дорога, мэм. Ею мало кто ездит. К озеру ведёт.

– К озеру, – сказала Ананд.

Она вернулась к воротам. Смотритель стояла там, где Пул её оставил.

Высокая женщина лет сорока, сухая, обветренная. Руки рабочие, в трещинах, но ногти коротко острижены и чистые. Мужская куртка на плечах, явно с чужого плеча. У её ног лежал старый седой пёс и не сводил с Ананд глаз.

Рядом стоял мужчина, крупный, спокойный, со щетиной. Ананд заметила, что деревенские у ворот всё время поглядывают на него. Он чуть кивал, и они расходились. Не на смотрителя смотрели – на него.

Разговор со смотрителем вышел короткий. Нашла, позвонила, перевернула. Знала покойную: «Видала. На весах сидела». Ответы короткие, глаза в сторону.

Врёт, подумала Ананд. Не знаю ещё в чём, но врёт.

На обратном пути к ленте она остановила молодого констебля, того, розовощёкого. Он стоял у столба с планшетом и записывал всех, кто входил за ленту.

– Как вас зовут?

– Фрит, мэм. Дэнни Фрит. – Он снял фуражку, и Ананд впервые его разглядела. Светлые кудри, белая кожа, ресницы длинные, а глаза голубые и совершенно ясные, без единой мысли о плохом. Красивый, подумала Ананд. В полиции от такой красоты одни неприятности.

– Дэнни, вызовите криминалистов из Линкольна. Фотограф, следы, всё. Ленту отодвиньте на двадцать ярдов, вот до той межи. И проход к телу один, по этой борозде. Больше никто не ходит.

Дэнни записывал, шевеля губами.

– Мэм, а если сержант скажет…

– Сержант скажет то же самое. – Ананд впервые за утро улыбнулась. – Идите.

* * *

Управляющий пришёл в восьмом часу. Рыхлый мужчина за пятьдесят, в светлой рубашке и чистых ботинках. Ботинки он берёг: шёл по меже на цыпочках, раскинув руки.

– Гидеон Восс. Управляющий «Брандта». – Он протянул влажную ладонь. – Инспектор, какое несчастье. Какое несчастье. Девочка у нас работала. Хорошая девочка.

– Вы её хорошо знали?

– Ну… – Восс вытер лоб платком. – Она сидела на весах. Аккуратная. Цифры писала чисто.

Он посмотрел за ленту, на белые фигуры криминалистов, которые только что подъехали, и понизил голос.

– Инспектор, я понимаю, порядок. Но вы мне скажите, когда снимете ленту? Сок на этих рядах со вчерашнего вечера. Если его сегодня не собрать, он засохнет, и всё. Это деньги. Люди без денег останутся.

– Не сегодня.

– А завтра?

– Посмотрим.

Восс сложил платок, развернул и сложил снова.

– Через четыре недели приёмка. Приедет инспектор компании. Если «Брандт» решит, что у нас тут… – Он не договорил. – Вы не отсюда. Вы не знаете, как тут было до мака. Тут ничего не было. Совсем ничего.

– Мне нужен телефон, – сказала Ананд.

* * *

Телефон стоял в конторе, на столе Восса. Восс отпер дверь и остался на пороге. Ананд посмотрела на него. Он вспомнил, что у него дела у весов, и вышел. Дверь была стеклянная. Ананд видела его спину.

Она набрала Линкольн.

Дежурным по тяжким преступлениям в эту неделю был детектив-суперинтендант Мерсер. Он взял трубку на шестом гудке.

– Мерсер.

– Сэр, это Ананд. Слифорд.

Пауза. Она слышала, как он сел поудобнее.

– Ананд. Слушаю.

– Морсли, маковое поле. Женщина двадцати трёх лет, черепная травма. Лежит у бетонного межевого столба, на углу кровь. Я объявляю смерть подозрительной. Мне нужен судебный патологоанатом из списка Хоум-офиса. Сегодня.

– Что рядом с ней было? Бутылка, шприц?

– Бутылка из-под джина.

– Пьяная сезонница ударилась о столб. – Мерсер вздохнул. – Ананд, у меня в Линкольне двое мёртвых в квартире над букмекерской, вся бригада там. Это дело коронера. Обычный патанатом, обычное вскрытие.

Ананд прислонилась к столу. На стене висел календарь с трактором. Четвёртое августа обведено красным, и поверх подписано: «ТЬЮ».

– Сэр, у неё одежда мокрая насквозь. Борозда сухая, дождя не было неделю. От неё пахнет тиной. Она откуда-то из воды пришла, ночью, одна, без полотенца и без сумки. И у неё на обеих руках синяки выше локтя. Свежие. От пальцев.

Мерсер молчал.

– Кто-то держал её за руки, сэр. Крепко. А через несколько часов она мёртвая, – сказала Ананд.

– Или свалилась пьяная в канаву, а синяки ей кавалер на танцах поставил. Там у вас канав больше, чем дорог.

– Тогда пусть это скажет патологоанатом. Не я и не вы.

Опять пауза. Она слышала, как он постукивает ручкой по столу.

– Людей не дам, – сказал Мерсер. – Ни одного. Хочешь – веди сама, со своим слифордским констеблем. Патологоанатома вызову. Но запомни, Ананд. Если это пустышка, если девка просто упала… Второй раз я тебя прикрывать не стану.

– Я знаю.

– Ты знаешь, – повторил он и положил трубку.

Ананд постояла с гудящей трубкой в руке. Потом опустила её на рычаг.

Руки у неё были холодные. Она сунула их в карманы плаща и вышла.

Над полем висело всё то же серое небо. Криминалисты в белом ходили по борозде. Фотограф щёлкал вспышкой. Восс стоял у весов и смотрел на неё, комкая платок.

У ворот стояла смотритель с собакой. Мужчины рядом уже не было. Она смотрела прямо на Ананд и не отводила глаз.

Ананд выдержала этот взгляд. Первой отвернулась смотритель: нагнулась к псу и стала трепать его по седой голове.

Ананд посмотрела на свои туфли. Глина на них подсохла и пошла трещинами.

В Слифорде надо будет купить сапоги.

Глава 3

Пятница, 7 июля 2000. До приезда Тью – 28 дней.

Патологоанатом приехал в одиннадцатом часу, из Лестера. Пожилой, лысый, в зелёных резиновых сапогах, которые он достал из багажника и надел, сидя на крыле машины. Сапоги у него были свои. Роан это отметила.

Он долго сидел над Нелл. Что-то говорил городской, та записывала. Фотограф щёлкал. Потом двое в тёмных костюмах принесли носилки и мешок.

Роан стояла у ворот. Кол давно увёл людей, а она не уходила.

Нелл пронесли мимо неё в мешке на молнии. Носильщики шли осторожно, по одной борозде, как велела городская. Фургон похоронной конторы, тёмно-серый, без надписей, развернулся у ворот и пошёл по дамбе к Слифорду. Роан смотрела ему вслед, пока он не стал точкой.

Тарн сидел у её ноги и тоже смотрел.

– Смотритель.

Роан обернулась. Городская стояла рядом. Плащ у неё был в земле до колен.

– Ваш управляющий говорит, сок пропадёт.

– Пропадёт. Ему один день сидеть. Завтра засохнет на коробочке, его уже не соскрести.

Ананд посмотрела на поле. Смотрела долго, и по лицу ничего нельзя было понять.

– Дальние ряды, за той межой, можете собирать. Сюда – никто. Лента стоит, пока я не скажу.

– Поняла.

– И ещё. – Ананд достала блокнот. – В шесть я жду вас в клубе. Нужно записать ваши показания. Полностью.

– Я уже всё сказала.

– Полностью, – повторила Ананд и пошла к машине.

Восс уже бежал к Роан по меже, расставив руки. Он слышал.

* * *

К двум часам сборщики вышли на дальние ряды. Сок был уже тугой, тёмно-бурый, скребки шли по нему с трудом. Бабы ругались вполголоса. Кол ходил между рядами и показывал, где брать.

В три понесли к весам.

Весы стояли под навесом у конторы: железная платформа, гири, рядом стол с журналом. На столе лежал карандаш, остро заточенный. Нелл всегда точила его ножом, сама, и стружку собирала в ладонь.

Восс подошёл к Роан у ворот, вытирая лоб. Попросил посидеть на весах, пока «Брандт» не пришлёт замену: больше некому, остальные путают граммы. Роан села на её место.

Она открыла журнал. Почерк был круглый, аккуратный, буквы стояли одна к одной. Фамилия, вес банки, вес чистого сока, подпись сборщика. Последняя страница: четверг, шестое. Последняя строчка в шесть вечера: «Финч Д. – 214 г». Ниже Нелл провела черту по линейке, как делала каждый вечер, и написала итог за день.

Роан смотрела на эту черту. Карандаш в руке не двигался.

– Клэй. Ты будешь писать или нет?

Перед весами стояла Мэгги Хоулт с банкой. Роан взяла банку, поставила на платформу, сдвинула гирю.

– Сто восемьдесят шесть.

– Чего так мало?

– Сколько собрала.

– Двести было бы, если б с утра. – Мэгги вытерла руки о фартук. – Засох, пока они там своё делали.

За ней встали другие. Женщины ставили банки на край стола и не уходили. Говорили, будто между собой, но громко, чтобы Роан слышала.

– Пила она. Я сама видала, в пабе джин брала, бутылкой.

– Приезжая. Им что, им терять нечего.

– Ночами шлялась. Дженни моя говорит, к озеру бегала купаться. Голая, говорит.

– Ну уж голая.

– А чего мокрая тогда лежала?

Помолчали.

– А в четверг они с Воссом в конторе орали, – сказала младшая Финч. – Я мимо шла. Дверь закрыта, а слышно.

– Из-за чего?

– Почём я знаю. Она орала, он орал.

– Восс-то при чём. Сама упала. Пьяная, в темноте. Об столб.

– Об столб, – согласились сзади.

Роан взвешивала и писала. Она никого не поправляла. Кивала, когда к ней поворачивались. Версия складывалась сама, слово к слову, без неё. Роан не мешала. Она смотрела на банки на краю стола и считала, кто на них живёт. Мэгги с дочерью. Финчи и их лежачая мать. Паи, семь ртов на одну надсечку. Пусть говорят: пьяная, сама. Пусть так и будет.

– А Молли где? – спросил кто-то.

– Дома ревёт. Подружки ж были.

– Не до работы ей.

Старший Финч поставил последнюю банку и заглянул через плечо Роан в журнал.

– Сколько за день?

Роан сложила столбик.

– Тридцать восемь кило четыреста. С дальних рядов только.

Финч присвистнул.

– Да хоть со всего поля. В прошлом году в эту пору по семьдесят в день выходило.

– В прошлом году апрель сухой был.

– Тью таких цифр не любит, – сказал Финч и ни на кого не посмотрел.

Все замолчали. Про Тью вслух не говорили. Все и так помнили, что до приёмки четыре недели.

Люди начали расходиться. Мэгги Хоулт задержалась. Она взяла свою пустую банку, повертела в руках и поставила обратно.

– Во вторник-то, – сказала она тихо, – она у вашей калитки стояла. Я из лавки шла…

– Мэгги. – Кол подошёл со стороны конторы, с ведром в руке. Сказал спокойно, без нажима. – Тебя Дженни зовёт. Вон, у ворот машет.

Мэгги оглянулась на ворота. Никакой Дженни там не было. Она посмотрела на Кола, потом на Роан. Потом опустила глаза, взяла банку и ушла.

Кол поставил ведро и ушёл тоже.

Роан сидела над журналом. Мэгги видела, думала она.

* * *

Дом Клэев стоял на краю деревни, последним перед дамбой. Кирпичный, низкий, с шиферной крышей. Отец родился в нём, и дед.

Отец сидел у печи. Июль, а он топил и сидел в пальто, ноги укрыты пледом. Последние два года он мёрз всегда. Лицо у него стало серое, губы синеватые. Доктор из Слифорда говорил про сердце и выписывал таблетки, а отец их ел горстью и не верил.

Тарн прошёл к нему и лёг у ног. Отец опустил руку и нашёл псу загривок, не глядя.

Роан поставила чайник.

– Слыхал, – сказал отец.

– Вся деревня слыхала.

Он помолчал. Дышал он тяжело, с присвистом.

– Это та, рыжая? Что во вторник приходила?

Роан стояла к нему спиной. Смотрела, как закипает чайник.

– Она.

– Сама упала?

– Говорят, сама.

– Говорят, – повторил отец.

Чайник засвистел. Роан сняла его, налила две чашки, отцу положила три ложки сахара. Поставила на табурет у его руки.

Отец на чай не смотрел. Он смотрел на неё.

– Городская тебя звала?

– В шесть. Показания писать.

Он кивнул. Пальцы на загривке у Тарна медленно перебирали шерсть.

– Не ври им лишнего, – сказал отец. – Чем меньше врёшь, тем меньше помнить.

Роан подняла глаза. Отец уже отвернулся к огню.

Она хотела спросить, что он знает. Что он слышал во вторник за домом. Она открыла рот и закрыла.

Хлопнула дверь. Вошёл Кол, снял сапоги у порога, повесил куртку. Подошёл к отцу, тронул его за плечо.

– Как вы, Сайлас?

– Жив пока.

– Вот и хорошо.

Кол сел за стол, отломил хлеба. Роан поставила перед ним чашку.

– Ты где с утра был? – спросила она. – Встала, а тебя нет.

– Верши на старом канале проверял. – Он жевал. – Угорь пошёл. Три штуки взял, в погребе лежат.

– Рано.

– Не спалось. – Кол поднял на неё глаза и улыбнулся. – Ты храпишь.

– Я не храплю.

– Ещё как.

Отец у печи хмыкнул. Кол подмигнул ему. Роан сама не заметила, как улыбнулась.

В половине шестого она надела чистую рубашку и пошла в клуб.

* * *

Клуб в Морсли был один: длинный сарай с жестяной крышей рядом с церковью. Здесь играли свадьбы, поминки, раз в месяц крутили кино. Пахло мастикой для пола и пылью. Стулья стояли штабелями вдоль стены, у сцены – старое пианино под чехлом.

Городская поставила посреди зала стол и три стула. На столе лампа, пепельница, стопка бланков. Дэнни Фрит сидел с ручкой наготове. Ананд стояла у окна и курила.

– Садитесь, миссис Клэй.

– Мисс.

– Мисс Клэй. – Ананд затушила сигарету и села напротив. – Констебль запишет ваши показания с ваших слов. Потом вы прочтёте и подпишете каждую страницу. Если что-то не так, скажете, исправим.

Роан кивнула. Руки она положила на колени, под стол.

Начали с простого. Имя, возраст, адрес. Кем работает. Сколько лет смотритель. Дэнни писал медленно, крупно, иногда переспрашивал, как пишется.

Потом утро. Во сколько вышла, каким путём шла. Где увидела сломанный мак. Как нашла. Что трогала.

– Вы её перевернули, – сказала Ананд. – Зачем?

– Думала, пьяная спит.

– Часто у вас пьяные в поле спят?

– Каждое лето. Сезонники.

– Она была пьющая?

Роан помедлила.

– В пабе джин брала. Люди видели.

– А вы видели?

– Я в паб не хожу.

Дэнни писал. Ананд ждала, пока он допишет, и смотрела на Роан. Смотрела спокойно, не моргая.

– Когда вы последний раз видели Нелл Прайс живой?

– В четверг. На весах. Она в шесть журнал закрыла.

– А после шести?

– Не знаю. Я домой пошла.

– Она когда-нибудь бывала у вас дома?

Роан смотрела на лампу. Свет был жёлтый, и в нём кружилась мошка.

– Нет.

– Ни разу?

– Ни разу.

Дэнни записал. Ручка у него скрипнула.

– Хорошо. – Ананд откинулась на стуле. – Прочтите.

Дэнни протянул ей три листа. Сверху на первом было отпечатано: заявление свидетеля. Ниже мелко, длинной строкой: что показания правдивы, насколько ей известно, и что она понимает: если в них есть заведомая ложь, её могут привлечь к суду.

Роан прочла эту строку дважды. Потом прочла всё остальное. Слова были её, а почерк чужой, крупный, мальчишеский.

– Всё так?

– Так.

– Подпишите. Внизу каждой страницы.

Дэнни подал ручку. Роан расписалась на первой странице. На второй. На третьей.

Рука не дрогнула. Она сама удивилась.

Ананд собрала листы, постучала ими о стол, выравнивая края.

– Вскрытие завтра утром, в Линкольне, – сказала она. – Я, наверное, к вам ещё приеду.

– Приезжайте.

Роан встала, задвинула стул и пошла к двери. Шаги в пустом зале звучали громко.

На улице стояли серые сумерки. Небо так и не разошлось за весь день. У крыльца клуба курила Мэгги Хоулт. Увидела Роан, затянулась и отвернулась.

Роан прошла мимо. Мэгги смотрела в сторону поля.

До дома было триста шагов. Роан шла и считала их, чтобы ни о чём не думать.

Глава 4

Суббота, 8 июля 2000. До приезда Тью – 27 дней.

Морг больницы графства был в подвале. Ананд спустилась по лестнице, и с каждым пролётом становилось холоднее. Внизу пахло хлоркой.

Доктор Хейл был уже в зелёном халате и фартуке. Без сапог и без машины он казался меньше. Рядом стояли эксперт по вещдокам с пакетами и бирками и офицер коронера, пожилая женщина с папкой.

– Инспектор. – Хейл кивнул. – Начнём, если вы не против. У меня в два ещё один в Ноттингеме.

Нелл лежала на стальном столе под простынёй. Хейл отвернул простыню.

Ананд видела вскрытия и раньше. Она встала у стены, сложила руки на груди и смотрела не на тело, а на руки Хейла. Так было легче.

– Если станет дурно, раковина слева, – сказал Хейл, не оборачиваясь. – Хотя ваши почему-то всегда бегут к правой. Там ведро для органов.

Он работал медленно и говорил размеренно, для диктофона, который висел над столом. Ананд записывала то, что было нужно ей.

Рост сто шестьдесят два. Вес пятьдесят один. Здоровая молодая женщина.

На левом запястье, с внутренней стороны, маленькая синяя татуировка: две буквы, «J.T.». Старая, расплывшаяся по краям. Сделана не в салоне, иглой и тушью.

Ананд записала.

На плечах, чуть выше локтя, с обеих сторон, по четыре округлых кровоподтёка в ряд. С внутренней стороны ещё один, крупнее.

– Пальцы, – сказал Хейл. – Четыре снаружи, большой изнутри. Кто-то держал её спереди, обеими руками. Крепко.

– Когда?

– Незадолго до смерти. Или за сутки. – Он посмотрел на неё поверх очков. – Не просите у меня часов, инспектор. По цвету синяка возраст вам честно никто не скажет. Кто скажет – врёт.

На ладонях и под ногтями был засохший тёмный налёт. Хейл соскрёб его в пакетик.

– Маковый сок, полагаю. Она его руками трогала. Много.

Ананд вспомнила сломанные ряды. Мак ломала сама Нелл. Значит, через поле она шла на своих ногах, живая.

Потом голова.

Хейл работал долго. Ананд смотрела на кафель над его плечом.

– Два удара, – сказал он наконец. – Затылок, почти в одно место. Первый слабее, ссадина, ушиб. Второй сильнее и под другим углом. Здесь вдавленный перелом. Он и убил.

– О столб?

– Форма подходит к углу столба. Оба удара.

– Два раза об один угол.

– Да.

Ананд опустила блокнот.

– Доктор. Люди падают один раз.

– Обычно один. – Хейл выпрямился и потёр поясницу. – Пьяный человек может удариться, встать, сделать шаг и упасть снова. Я такое видел.

– Здесь так было?

Он долго молчал.

– Маловероятно, – сказал он. – Второй удар сильнее первого. После первого она, скорее всего, была оглушена. Подняться и упасть с такой силой ей было бы трудно. Но исключить я не могу. И на суде не исключу.

Воды в лёгких не было. Она не тонула. А в волосах, у корней, Хейл нашёл зелёную слизь и мелкие листочки ряски. Эксперт упаковал их отдельно.

– Пресная вода. Стоячая. – Хейл показал на свет пинцетом. – Отправим ботанику, он скажет, канава это или пруд. Недели через три.

Желудок пах джином. Еды почти не было.

– Кровь на алкоголь уйдёт в лабораторию. Тоже недели две-три.

– Время смерти?

– Между полуночью и тремя. Ночь была холодная, это сдвигает. Точнее не скажу.

Последнее он сказал, не поднимая головы:

– Изнасилования не было. Никаких следов.

Ананд кивнула. Она сама не знала, что ждала этого ответа, пока не услышала его.

Хейл накрыл Нелл простынёй до подбородка. Посмотрел на её лицо.

– Молоденькая, – сказал он и стянул перчатки.

* * *

Таксофон висел в коридоре у лифта. Ананд набрала Мерсера и, пока шли гудки, считала монеты на ладони.

– Мерсер.

– Это Ананд. Вскрытие закончено.

– Ну? – Мерсер жевал. Суббота, он обедал. – Что там у Хейла?

– Два удара в затылок, об один угол столба. Второй сильнее. Хейл говорит, упасть дважды маловероятно, но исключить не может. И синяки на обеих руках, от пальцев.

Мерсер перестал жевать. – Синяки когда поставлены?

– Хейл не знает. Говорит, по цвету не определить.

– Вот именно. – Мерсер чем-то звякнул. – Ананд. «Маловероятно» – это не доказательство. С этим в прокуратуру не пойдёшь. С этим даже ко мне не надо ходить.

Ананд прижалась лбом к холодной стене рядом с таксофоном.

– Я не закрываю дело.

– А я тебя не прошу. Коронер в понедельник откроет дознание и отложит до твоего результата. Ищи.

Ананд выпрямилась.

– Сэр, мне нужен человек. Хотя бы на неделю. Обойти деревню, опросить всех.

– У тебя есть Фрит.

– Фрит местный. Он им всем свой.

– Тем лучше, ему больше расскажут. – Мерсер помолчал. – Ананд, в управлении про тебя помнят. Каждую неделю кто-нибудь спрашивает, как там Ананд в своём болоте. Если ты сейчас раздуешь дело из пьяной девки и оно лопнет, спрашивать перестанут.

В трубке пискнуло: кончались деньги. Ананд сунула последнюю монету.

– А если не лопнет?

– Тогда приходи ко мне с тем, кто держал её за руки. – Голос у него стал мягче. – Найдёшь – поговорим.

Он положил трубку.

Ананд повесила свою. Постояла. Мимо прокатили каталку, пустую, с серой простынёй.

Она пошла к машине.

* * *

В Морсли она приехала в третьем часу. Дэнни Фрит ждал у калитки маленького кирпичного дома в конце улицы. Он был в форме, фуражку держал в руках и мял козырёк.

Дверь открыла хозяйка, вдова Гарнет. Маленькая, сухая, в переднике. Она посмотрела на Ананд, потом на Дэнни, и лицо у неё немного оттаяло.

– Дэнни, сынок. Проходи. Отец как?

– Так же, миссис Гарнет. Спасибо.

Ананд остановилась на пороге.

– Отец болен, констебль?

Дэнни покраснел.

– Да, мэм.

– Чем?

– Рак. – Он сказал это просто. – Врачи говорят, до осени. Я потому и попросился в Слифорд, чтоб рядом.

– Сочувствую.

– Спасибо, мэм.

Ананд кивнула и пошла за Гарнет по узкой лестнице. Думала она о другом. Её единственный констебль был им свой. Все в этой деревне знали его с пелёнок и звали сынком.

Комната Нелл была под крышей. Скошенный потолок, маленькое окно на поле, железная кровать, комод, стул. На стуле висела куртка, та самая, в которой Нелл, по словам смотрителя, приходила на весы.

Вещей было мало. Двое джинсов, свитера, бельё, кроссовки. Косметичка с дешёвой тушью. Зубная щётка в стакане. Спортивная сумка под кроватью, пустая.

Ни фотографий, ни писем.

– Она так жила? – спросила Ананд у Гарнет.

Вдова стояла в дверях и теребила передник.

– Так и жила. Тихая была. Платила вперёд.

– Друзья к ней ходили?

– Молли Пай. Больше никто.

Дэнни тем временем снял матрас и поставил его к стене. Под матрасом на сетке лежал коричневый конверт.

– Мэм.

Ананд взяла конверт за угол. Внутри были деньги. Двадцатки, новые, перетянутые резинкой. Она пересчитала на кровати. Двадцать бумажек.

– Четыреста фунтов, – сказала она.

Дэнни присвистнул и тут же смутился.

– Сколько ей платили на весах? – спросила Ананд.

– Сто двадцать в неделю, – тихо сказала Гарнет. – Она мне говорила.

Ананд положила конверт в пакет для улик. Дэнни написал бирку.

В кармане куртки на стуле нашлось сложенное расписание автобусов: Слифорд – Линкольн. Одна строчка была обведена ручкой: суббота, 5 августа, 8:40.

– На следующий день после приёмки, – сказал Дэнни.

– Откуда вы знаете?

– Все знают, мэм. Четвёртого Тью приезжает.

Ананд долго смотрела на обведённую строчку.

Она выдвинула ящики комода. Пусто, только газета на дне. Отодвинула комод от стены, посмотрела за ним. Пыль, паутина, щель между полом и плинтусом. Ничего.

Гарнет в дверях вдруг громко закашлялась.

– Чаю, может? – сказала она. – Я поставлю.

– Нет, спасибо.

Вдова кивнула и ушла вниз. Шаги у неё были быстрые.

Ананд задвинула комод на место.

* * *

В Слифорд она вернулась в девятом часу. Внизу, в прачечной, гудели машины, кто-то ещё стирал. В квартире было холодно.

Ананд включила обогреватель, разогрела банку фасоли и ела её стоя, прямо из кастрюли. Чемодан у стены смотрел на неё открытой крышкой. Она так и не решила, распаковывать его до конца или нет.

Потом села за кухонный стол, взяла чистый лист и стала писать.

Где вода? Озеро? Канава? Ряска в волосах – ждать ботаника.

Кто держал её за руки?

Куда она ушла после шести в четверг?

Четыреста фунтов. Откуда? За что?

Автобус 5 августа. Собиралась уехать. Одна?

J.T.?

Смотритель. Перевернула тело. Знала её лучше, чем говорит.

Она перечитала. Подчеркнула последнюю строчку. Потом подчеркнула «за что».

Зазвонил телефон. Ананд посмотрела на часы: без двадцати десять. Сняла трубку.

– Инспектор Ананд? – Мужской голос, гладкий, лондонский. – Простите за поздний звонок. Говорит Джулиан Парр, юридический отдел «Брандт Фармасьютикалз». Ваш номер мне дали в управлении.

– Слушаю.

– Мы, разумеется, глубоко опечалены. Мы хотели бы предложить любое содействие. И понять примерно, сколько времени займёт ваша работа на нашем поле.

– Столько, сколько понадобится.

Пауза.

– Конечно, – сказал Парр. – Конечно. Я лишь хочу, чтобы вы понимали, инспектор. Лицензия на это поле пересматривается в августе. Решение будет зависеть в том числе от того, насколько… благополучно там всё обстоит. Нам бы очень не хотелось, чтобы триста человек лишились работы из-за трагического несчастного случая.

– Если это несчастный случай.

Опять пауза, длиннее.

– Доброй ночи, инспектор, – сказал Парр.

Ананд положила трубку. Посидела. Потом взяла ручку и дописала внизу листа:

«Брандт» боится не смерти. «Брандт» боится убийства.

Она выключила свет и подошла к окну. Слифорд спал. Где-то за ним, в темноте, лежал Фенн, плоский, мокрый, и посреди него маковое поле.

Завтра она поедет по старой дороге к озеру.

Глава 5

Воскресенье, 9 июля 2000. До приезда Тью – 26 дней.

Викарий приезжал в Морсли раз в две недели, из Ашби, и это воскресенье было его. Церковь набилась так, как набивалась только на Рождество. Пришли даже те, кто не ходил годами. Роан знала, зачем. Никто не хотел молиться. Все хотели посмотреть друг на друга.

Внутри было холоднее, чем на улице. Пахло сырым камнем и старыми книгами. В восточном окне, над алтарём, светился витраж: белый ягнёнок с крестом на зелёном холме. Роан села с краю на заднюю скамью. Отец остался дома: до церкви ему было не дойти.

Викарий, молодой, в очках, говорил долго и правильно. Про то, что смерть всегда приходит не вовремя. Про юную жизнь. Он назвал Нелл «Элеанор», и кто-то впереди переглянулся: никто не знал, что её звали Элеанор.

– Помолимся о ней, – сказал викарий.

Все опустили головы.

Роан смотрела не в пол, а на затылки. Мэгги Хоулт в первом ряду, с прямой спиной. Восс у колонны, в пиджаке, мнёт в руках шляпу. Братья Финч. Вдова Гарнет, маленькая, в чёрном платке.

Молли Пай сидела отдельно, у стены. Глаза у неё опухли, нос покраснел. Она не опустила голову, когда все опустили. Она смотрела перед собой, и губы у неё были сжаты в нитку.

После службы люди долго не расходились. Стояли у ограды кучками, говорили вполголоса. Кол разговаривал с Финчами про угря. Роан пошла домой одна, задворками, мимо огородов.

У дома Фритов она замедлила шаг.

Окно на первом этаже было приоткрыто. Из него доносился стон, низкий, длинный, на одной ноте. Потом голос Дэнни, тихий: «Пап. Пап, сейчас. Сейчас таблетку». Потом опять стон.

Роан постояла у забора. Потом пошла дальше.

За углом её догнала Гарнет. Запыхалась, держалась рукой за бок.

– Роан. Зайди ко мне. – Она оглянулась на улицу. – Сейчас. Дело есть.

* * *

У Гарнет на кухне было чисто и тесно. Плита, стол под клеёнкой в цветочек, комод с посудой. На подоконнике герань.

Вдова закрыла дверь на засов. Потом подошла к окну и задёрнула занавеску. Роан смотрела на это и молчала.

Гарнет подошла к комоду, приподняла клеёнку на крышке и достала из-под неё тетрадь. Толстую, школьную, в тёмно-синей обложке. Обложка была мятая, углы загнуты.

– Вот. – Гарнет положила тетрадь на стол и убрала руки за спину. – Её.

Роан не взяла.

– Где нашла?

– Вчера утром. Полиция ещё не пришла, я наверх поднялась, думала, приберусь. А она за комодом лежала, в щели. Завалилась, видно. Она её под подушкой держала, я знала. – Гарнет облизнула губы. – Городские потом весь день там рылись. Комод отодвигали. А я молчала.

– Почему?

– А чего им отдавать? – Голос у вдовы вдруг стал сердитый. – Чужие. Приехали, наследили, уехали. Им что Нелл, что корова дохлая. Своим отдам, думаю. – Она посмотрела на Роан. – Тебе. Ты смотритель. Клэям верят.

Роан протянула руку и взяла тетрадь. Тетрадь была тёплая: лежала у плиты.

– Сама читала?

– Пыталась. – Гарнет махнула рукой. – Глаза не те. И пишет мелко, как курица лапой. Ни строчки не разобрала.

Роан кивнула. Сунула тетрадь за пазуху, под куртку.

– Спасибо, Гарнет.

– Ты разберись там, – сказала вдова ей в спину. – Ты разберёшься. Ты своя.

На улице Роан застегнула куртку до горла. Тетрадь давила на рёбра.

Клэям верят, подумала она. Лучше бы обвинила.

* * *

Сторожка стояла на краю поля, у дамбы. Дощатая, на сваях, с печкой и узкой лежанкой. Клэи держали её с тех пор, как появилось поле. Сюда смотритель уходил ночевать в сезон, когда воровали.

Роан затопила печку, хотя было три часа дня. Тарн лёг у дверцы. Она села на лежанку, положила тетрадь на колени и долго не открывала.

Потом открыла.

Почерк был мелкий и злой, буквы наклонены вперёд. Ни дат, ни «дорогой дневник». Нелл писала так, будто с кем-то спорила.

«Приехала. Дыра. Земля плоская, люди плоские. Хозяйка спросила, не пью ли я. Сказала, нет. Первая ложь в Морсли. Посмотрим, сколько их будет».

«Полю конца нет. Сорок акров, сказал управляющий. Он смотрит на сок, как на золото, а на людей, как на мешки. Восс. Потный. Ботинки чистит каждое утро».

«Молли. Единственная, с кем тут можно говорить. Девятнадцать лет, руки как у старухи, а смеётся, как ребёнок. Сказала ей, что увезу её отсюда. Она поверила. Теперь надо увезти».

Роан перевернула страницу.

«Посадили на весы. Повезло. Сидишь, пишешь цифры, никто не трогает. Только цифры не сходятся. Восс записывает в конторе одно, а я на весах – другое. Каждый день разница. Килограмм, полтора. Куда?»

«Спросила Восса про разницу. Он побелел. Потом покраснел. Потом сказал, что я дура и ничего не понимаю в весах. Я сказала: тогда объясните Тью. Он сел».

«В. платит. Двести сразу, двести через неделю. Хватит на двоих до осени. Противно. Но Молли надо увезти. Это не для себя».

Роан закрыла глаза. Восс, подумала она. Значит, Восс.

Она читала дальше. Нелл писала о холоде, о том, что в Морсли нет ни одного кафе, о том, как Мэгги Хоулт обвесила её на рынке в Слифорде. Писала про бессонницу. *«Пью, чтобы спать. Иначе не сплю. Иначе вижу его».*

Кого – Роан поняла через три страницы.

«Джоуи не мог утонуть. Джоуи плавал лучше всех на нашей улице, он меня в карьере плавать учил. Мне было восемнадцать, я помню. А в бумаге написано: ночью, под героином, запутался в рыбацких сетях в канаве, захлебнулся. Несчастный случай. Какие сети? Что он делал ночью у чужих сетей? Кто-то врёт».

Страница выпала из тетради. Нет, не страница: письмо, сложенное вчетверо. Бумага тонкая, протёртая на сгибах до дыр. Почерк крупный, корявый.

«Рыжик. Я тут прибился к одной деревне, Морсли. Тут все сидят на маке и молчат. Заправляют всем Клэи. Я кое-что нарыл, Рыжик. Скоро будут деньги. Приеду, сниму тебе комнату в городе, уедешь от мамы. Не говори ей. Твой Дж.»

Роан держала письмо двумя пальцами.

Вода по локоть. Холодная, чёрная, с ряской. Мокрая сеть режет пальцы. Под ладонями что-то бьётся, потом перестаёт.

Она моргнула. Сторожка. Печка. Тарн поднял голову и смотрел на неё.

Роан положила письмо на колено и прижала ладонью, чтобы руки не дрожали.

Дальше в тетради было про Морсли. Нелл приехала не наугад. Она искала. Спрашивала стариков, кто помнит лето девяносто пятого. Кто тогда был смотрителем. Кто ходил по полю.

«Уилф. Девяносто лет, а память лучше моей. Травил байки, а потом вдруг сказал: в ту ночь, когда бродягу из канавы вынули, Клэева девка пришла домой мокрая насквозь, с рукавов текло. Он видел, он ночью курил на крыльце. Сказал и испугался. Велел никому не говорить».

«Клэева девка – это смотритель. Роан Клэй. Тогда ей было тридцать четыре».

Имя было обведено дважды. Ручка прорвала бумагу.

«Схожу к ней. Пусть сама скажет. Я хочу услышать, как она это скажет».

Последняя запись была короткая. Без числа, как все.

«Ходила. Она сказала: говори кому хочешь. Значит, правда. Ладно. Напишу Тью. Пусть все узнают. Мне терять нечего. Джоуи, я почти».

Дальше страницы были чистые.

Роан сидела не двигаясь. Печка прогорела. В сторожке стало холодно, и она не заметила.

* * *

Домой она не пошла. Кол знал, что в сезон она ночует в сторожке, и не будет искать.

Когда стемнело, Роан зажгла лампу и снова открыла тетрадь.

Если тетрадь пропадёт, думала она, Гарнет вспомнит, кому её отдала. Молли знает, что тетрадь была. Городская узнает от Молли. Тетрадь должна вернуться. Но не вся.

В ящике стола лежала отцовская опасная бритва. Ею вскрывали мешки с удобрением. Роан вытерла лезвие о штанину.

Рвать было нельзя. Тетрадь шита ниткой, каждый лист в ней – половинка двойного. Вырвешь один, и с другого конца вывалится его пара. А на паре, может, как раз Восс. Она разложила тетрадь на столе и стала резать. Под самый корешок, медленно, чтобы срез получился чистый и ниток не было видно. Всё про лето девяносто пятого. Всё про Уилфа. Всё, где стояло «Клэй». Последнюю запись, про «говори кому хочешь».

Восса она оставила. «В. платит» оставила. И «пью, чтобы спать». И про Молли.

Лучше Восс, подумала она. Восс украл. Восс заплатил. Пусть городская ищет Восса. Восс хотя бы виноват. А всплывёт Джоуи – всплывёт и то, за что. Смола, которую Клэи когда-то продавали на сторону. «Брандт» таких деревень не держит. Пять лет назад она сделала то, что сделала, ради Морсли. Ради Морсли она резала и сейчас.

Она сама не поверила этой мысли до конца. Но резала дальше.

Вырезанные листы она скомкала и по одному бросила в печку. Бумага занималась быстро. Мелкий злой почерк темнел, коробился и пропадал. Роан смотрела, пока не догорел последний лист.

Осталось письмо.

Она поднесла его к дверце. Бумага была совсем тонкая. «Рыжик». «Сниму тебе комнату».

Рука не пошла.

Роан постояла с письмом над огнём. Потом сложила его вчетверо, по старым сгибам. Опустилась на колени у лежанки, поддела ножом третью от стены половицу. Под ней было пусто и сухо, пахло мышами. Она положила письмо туда и вдавила половицу на место.

Тарн смотрел на неё от двери и не вставал.

– Спи, – сказала Роан.

Он не уснул. И она тоже.

* * *

Понедельник, 10 июля. До приезда Тью – 25 дней.

В шесть утра она постучала к Гарнет. Вдова открыла в халате, с бигуди под платком.

Роан протянула ей тетрадь.

– Отдай городской.

Гарнет не взяла. Смотрела на тетрадь, потом на Роан.

– Ты ж сказала…

– Ничего я не сказала. – Роан говорила тихо. – Ты нашла её вчера после церкви. За комодом, в щели, когда прибиралась. Показала мне, я ж смотритель. Я полистала, ничего не разобрала и велела отдать полиции. Так и скажешь. Позвонишь в Слифорд и отдашь.

– Роан…

– Гарнет. Так надо.

Вдова долго молчала. Губы у неё шевелились. Потом она взяла тетрадь обеими руками и прижала к груди.

– Ты разобралась, значит, – сказала она.

– Разобралась.

Гарнет кивнула. Не спросила больше ничего. Закрыла дверь.

Роан пошла к полю. Начинался сбор, по гати уже тянулись бабы с банками. Над Фенном висело привычное тяжёлое небо.

В сторожке под половицей лежало письмо мёртвого парня к живой сестре. Теперь мёртвой.

Роан шла и думала о том, что за всю жизнь ни разу не соврала Гарнет. А теперь соврала, и это оказалось легко.

Глава 6

Воскресенье, 9 июля 2000. До приезда Тью – 26 дней.

Дэнни приехал в воскресном костюме, прямо из-за стола: у Фритов по воскресеньям обедали в костюмах, так хотел отец. Костюм был ему мал в плечах, галстук завязан туго, до красноты на шее. Плечи под тесным пиджаком оказались широкие. Ананд это отметила и сама удивилась, что отметила.

– Простите, мэм. Не успел переодеться.

– Вы идеально одеты для осмотра болота, констебль.

Он не понял, шутит она или нет, и на всякий случай поправил галстук. Сама Ананд стояла в новых резиновых сапогах, с магазинной биркой на голенище.

Старая дорога шла от поля Клэев на север, между двумя рядами ив. Асфальт кончился через полмили, дальше был гравий, потом две колеи с травой посередине. «Астра» скребла по ней брюхом. Ананд мысленно списала с неё глушитель.

Озеро оказалось старым карьером. Когда-то здесь брали гравий, потом бросили, и яма за тридцать лет налилась водой. Вода была чёрная, неподвижная, у берегов зелёная от ряски. Над ней висели ивы. Пахло тиной. Тем же, чем пахла рубаха Нелл.

Ананд вышла из машины и встала у края.

Берег со стороны дороги был истоптан. Примятая трава, кострище, обугленные доски. Окурки, много окурков. Пустые банки из-под пива и сидра. Обёртка от шоколадки. Использованный презерватив на ветке, аккуратно повешенный кем-то, как ёлочная игрушка.

– Сюда вся молодёжь ездит, мэм, – сказал Дэнни у неё за спиной. – С трёх деревень. По ночам. Купаются, пьют.

– Вы тоже?

– Я тоже ездил. – Он подумал. – Раньше.

Ананд посмотрела на презерватив. Дэнни посмотрел туда же и стал красным до ушей.

– Это не мой, мэм.

– Я рада, констебль.

Она надела перчатки и ходила по берегу полчаса. Собрала окурки, разных марок, в пакеты. Банки. Пробку от бутылки, зелёную, от джина, но таких пробок в Англии были миллионы. Дэнни ходил следом с бирками.

Улик было слишком много. А когда улик слишком много, их нет совсем. Тут за лето побывала половина Фенна. Любой адвокат объяснит каждый окурок за пять минут. А Мерсер не даст ни пенни на лабораторию для мусора с пляжа.

Ананд выпрямилась. Спину ломило.

Она смотрела на чёрную воду и чувствовала, как в ней поднимается злость. Не на убийцу. На эту воду, на ивы, на гравий, на Мерсера с его обедом, на весь этот плоский мокрый край, который проглотил девчонку и сомкнулся сверху.

Она знала, что Нелл была здесь. Знала. И ничего не могла с этим сделать.

Ей вдруг стало всё равно, что будет с этой деревней. С их полем, с их «Брандтом», с их зимой. Пусть хоть все триста останутся без работы. Пусть «Брандт» уходит. Ей нужно одно: имя. Имя, с которым она вернётся в Линкольн.

Мысль была некрасивая. Ананд её не прогнала.

– Мэм? – Дэнни стоял с пакетами в обеих руках. – Всё грузить?

– Всё, – сказала она. – До последнего окурка.

* * *

Понедельник, 10 июля. До приезда Тью – 25 дней.

Дом Паев стоял за церковью, у самой канавы. Кирпич облупился, в одном окне вместо стекла была фанера. Во дворе ржавела детская коляска без колеса, и в ней спала кошка.

Дверь открыла женщина лет сорока пяти, худая, с младенцем на бедре. За её юбку держался мальчик постарше и смотрел на Ананд, не мигая.

– Миссис Пай? Инспектор Ананд, полиция. Мне нужно поговорить с Молли.

Женщина не отошла от двери.

– Молли не в себе. Третий день ревёт.

– Я понимаю. Я ненадолго.

Из глубины дома доносился голос комментатора: по телевизору шли скачки в повторе. На диване перед телевизором спал мужчина в майке, приоткрыв рот. На полу у дивана стояли три пустые банки.

Миссис Пай перехватила взгляд Ананд и прикрыла за собой дверь.

– Вы её только не впутывайте, – сказала она тихо. – Нам тут жить.

– Я просто задам несколько вопросов.

– Вы не понимаете. – Миссис Пай перекинула младенца на другое бедро. – У меня пятеро. Муж второй год без работы, спина. Мы на маке живём. Я надсекаю, Молли соскребает, старший на весы банки носит. Закроют поле – нам конец. Всем конец. Вы хоть это понимаете?

– Понимаю, – сказала Ананд.

Она понимала. Она просто не видела, какое это имеет отношение к ней.

Миссис Пай смотрела на неё ещё секунду. Потом, не оборачиваясь, крикнула в дом:

– Молли! К тебе.

* * *

Говорить в доме Ананд не стала. Посадила Молли в машину и вывезла за деревню, на дамбу, туда, где их не было видно из окон. Заглушила мотор, но печку оставила.

Молли сидела, сжав коленями ладони. Девятнадцать лет, худая, в мужском свитере до колен. Нос распух, глаза красные. Руки у неё были в трещинах, и под ногтями темнел сок.

Ананд достала сигареты. Протянула пачку.

– Куришь?

Молли помедлила и взяла. Ананд дала ей прикурить. Девчонка затянулась, закашлялась и затянулась снова.

– Мать не разрешает, – сказала она.

– Матери я не скажу.

Молли впервые на неё посмотрела.

Ананд не торопила. Сидела, курила, смотрела в лобовое стекло на плоское поле. Она знала, как это делается. Не спрашивать, пока человек сам не захочет говорить. Дать ему тепло, сигарету, тишину. Люди не выдерживают тишины.

Молли не выдержала через две минуты.

– Она хорошая была, – сказала она хрипло. – Все говорят: пила, шлялась. А она хорошая. Она со мной разговаривала. Тут со мной никто не разговаривает, только «Молли, принеси», «Молли, отнеси». А она разговаривала.

– О чём?

– Обо всём. – Молли вытерла нос рукавом. – Что уедем. После приёмки. Она всё посчитала. Комнату в Линкольне снимем, она на почту пойдёт, я в магазин. Я вещи уже сложила. В пакет, под кровать. – Голос у неё сломался. – Дура.

Ананд подождала, пока она справится.

– Молли. В четверг вечером ты её видела?

Молли кивнула.

– Она после весов зашла. Переоделась, рубашку клетчатую надела, чистую. Накрасилась. Я спросила: ты куда такая? Она засмеялась. Сказала: на свидание.

– С кем?

– Не сказала. – Молли мотнула головой. – Я спрашивала. Она только: со здешним. Говорит, он мне сегодня всё расскажет. И подмигнула.

– Что – всё?

– Не знаю. Она про какое-то старое дело всё время. Я не слушала особо. – Молли сморщилась. – Думала, ерунда.

Ананд записала: «Свидание. Здешний. «Всё расскажет»». Подчеркнула «здешний».

– Она пила, Молли?

– Пила. – Молли не стала врать, и Ананд это отметила. – Водку. Немного, на ночь. Говорила, не спит без этого. А если больше выпьет, дурная делается. Ничего не боится, лезет куда не надо. Весной на спор в канал полезла ночью, прямо в одежде, я её еле вытащила. А утром сидит и не помнит.

– А джин?

– Джин? – Молли удивилась. – Не, джин она не пила. Говорила, ёлкой воняет.

Ананд перестала писать.

– Ты уверена?

– Ну да. Её с джина рвало. Она рассказывала, как-то раз в Линкольне…

Ананд записала: «Джин не пила». Обвела в рамку.

– У неё были записи? Тетрадь, блокнот?

– Тетрадь синяя. Она с ней не расставалась. Под подушкой держала. – Молли подняла глаза. – А что, не нашли?

– Нет.

Молли отвернулась к окну. Губы у неё задрожали.

Ананд затушила сигарету в пепельнице. Сейчас, подумала она. Сейчас самое время.

– Молли. Ты хочешь, чтобы нашли того, кто это с ней сделал?

– Сделал? – Молли резко обернулась. – Так она ж сама… Все говорят…

– Все говорят. – Ананд смотрела ей в глаза. – А у неё на руках синяки. От пальцев. Кто-то держал её очень крепко, Молли. В ту ночь.

Молли смотрела на неё. Лицо у неё медленно менялось. Сначала непонимание. Потом страх. Потом то, что было нужно Ананд: злость.

– Кто? – сказала она шёпотом.

– Не знаю. Пока. – Ананд наклонилась ближе. – Мне нужна твоя помощь. Ты здесь живёшь. С тобой не говорят, но при тебе говорят. Понимаешь? Что услышишь про Нелл, про четверг, про то, кто куда ходил, – приноси мне. Только мне. Никому ни слова.

Молли сглотнула. Кивнула.

– А мне что будет?

Ананд помедлила. Девчонка спросила честно. Ответ у неё был один, и тоже честный: ничего. Когда всё кончится, Ананд уедет, а Молли останется здесь, среди людей, которые узнают, что она бегала к городской. В деревне на триста человек это узнают обязательно.

Ананд это знала. Под рёбрами кольнуло, коротко и неприятно.

– Тот, кто это сделал, ответит, – сказала она. – Вот что будет.

Молли кивнула ещё раз, твёрдо.

Ананд завела мотор. Колоть перестало. Она давно научилась ждать, пока перестанет.

* * *

Молли она высадила за два дома до её калитки. Девчонка пошла задворками, не оглядываясь, ссутулившись в своём свитере.

В клубе Ананд ждал Дэнни. Он уже переоделся в форму и сидел за столом над какой-то бумагой, с ручкой в зубах. Увидел её и вскочил так, что стул проехал по полу.

– Мэм. Звонили из Слифорда. Вдова Гарнет.

– Что ей нужно?

– Она нашла тетрадь. Синюю. Покойницы. – Дэнни сверился с бумагой. – Говорит, вчера после церкви прибиралась и нашла. За комодом. В щели.

Ананд медленно сняла плащ.

– За комодом.

– Да, мэм. Говорит, показала смотрителю, мисс Клэй. Та полистала, ничего не разобрала, почерк мелкий. Велела отдать полиции. Вдова ждёт, говорит, весь день дома.

Ананд повесила плащ на спинку стула. Повесила аккуратно, расправила плечи.

– Дэнни. В субботу кто отодвигал этот комод?

Дэнни подумал.

– Вы, мэм.

– И что там было?

– Пыль, мэм. – Он подумал ещё. – И паутина.

– Пыль и паутина, – сказала Ананд.

Она снова надела плащ.

За комодом в субботу ничего не было. Она смотрела своими глазами. А в воскресенье тетрадь там появилась и сразу отправилась прямиком к смотрителю.

Глава 7

Понедельник, 10 июля 2000. До приезда Тью – 25 дней.

Вечером Роан снова поддела третью от стены половицу в сторожке.

Письмо Джоуи лежало там, где она его оставила. Рядом, в глубине, стояла плоская жестяная банка из-под табака. Роан достала банку, а письмо трогать не стала.

В банке была смола. Тёмная, плотная, с горьким запахом. Граммов сорок.

Это была доля Клэев. Её снимали каждый день с крайних рядов, понемногу, мимо весов. Отец снимал, теперь снимала она. Когда-то доля была большая. Клэи брали больше всех, а все думали – по чуть-чуть, как все. Смолу держали дома, в погребе, в жестяных банках. После той ночи отец в дом больше не носил ничего. Теперь в банке было ровно столько, сколько нужно на одного больного.

Роан поставила на печку кружку с водой. Отщипнула ножом кусок смолы с ноготь, бросила в кипяток. Положила три ложки сахара. Мешала, пока вода не стала мутной и бурой.

Запах поднялся сладкий, тяжёлый. И Роан снова было семь лет.

Дальняя комната за занавеской. Мать кричит. Отец на поле, а мать кричит так, что звенит стекло в окне. Роан сидит в углу, зажав уши, и считает до ста, и снова до ста. Потом встаёт, идёт на кухню, берёт с полки пузырёк. Отмеряет в ложку мутную сладкую воду, как отец показывал. Несёт, держа ложку двумя руками, чтобы не расплескать. Мать глотает. Через десять минут лицо у неё разглаживается, и она смотрит в окно, на канаву, долго и спокойно.

Мать умерла в ту зиму. Доктор из Слифорда сказал длинное слово и развёл руками. А маковый чай был единственным, что помогало.

В Фенне маковый чай варили всегда, задолго до «Брандта». Прабабки держали за домом грядку мака – от лихорадки, от боли, от ломоты в костях. Доктора ругались, а люди варили.

Роан перелила отвар в пузырёк из-под микстуры, заткнула пробкой и сунула во внутренний карман куртки.

Если её с этим остановят, будет суд. Кража у «Брандта», незаконный оборот. Лицензию у деревни отберут на следующий же день. Она это знала.

Она застегнула куртку.

– Сторожи, – сказала она Тарну. Пёс вздохнул и положил морду на лапы.

* * *

В деревню она пошла в одиннадцатом часу, задворками, вдоль огородов. Было почти светло: июльская ночь в Фенне так и не темнеет до конца, только сереет.

У клуба горел свет. Белая «Астра» стояла у крыльца.

Роан остановилась за углом сарая Финчей и стала ждать. В окне клуба двигалась тень. Городская ходила взад-вперёд, потом села. Потом снова встала.

Пузырёк в кармане был тёплый от тела.

В половине двенадцатого свет погас. Ананд вышла, постояла на крыльце, закурила. Огонёк сигареты долго висел в темноте. Роан не шевелилась. Потом хлопнула дверца, заурчал мотор, и фары ушли по дамбе к Слифорду.

Роан досчитала до двухсот и пошла дальше.

* * *

У Фритов на втором этаже горела лампа. Роан постучала тихо, два раза, и ещё один.

Дверь открыл Дэнни. В майке, босиком, с мокрыми от умывания волосами. Он увидел её и побледнел.

– Роан. – Он выглянул на улицу, через её плечо. – Сейчас не надо. Правда. У меня городская теперь каждый день тут, я ж при ней…

Сверху донёсся крик. Не стон, как днём, а крик, хриплый, на выдохе.

Дэнни закрыл глаза. Постоял так. Потом отступил от двери.

Наверху, в маленькой комнате, на высокой кровати лежал Альберт Фрит. Роан помнила его здоровым: широкий, рыжебородый, он сорок лет чистил канавы по всему Фенну. Теперь от него осталась жёлтая кожа на костях. Простыня сбилась. Руки стали птичьими лапками, сухими, в пятнах, и этими лапками он держался за край кровати и смотрел в потолок.

– Таблетки уже не берут, – сказал Дэнни у неё за спиной. – Доктор обещал в четверг морфий привезти. До четверга…

Он не договорил.

Роан села на край кровати. Достала пузырёк, ложку из кармана. Налила.

– Альберт. Это Роан Клэй. Открой рот.

Старик повернул к ней глаза. Узнал не сразу. Потом губы у него разжались.

Он глотал с трудом. Роан держала ему голову ладонью. Потом налила вторую ложку. Чай растекался по подбородку, она вытирала его краем простыни.

Дэнни стоял в дверях и смотрел, как она поит отца. Не отрываясь.

Через десять минут руки Альберта разжались и легли поверх простыни. Дыхание выровнялось. Взгляд у него прояснился, и он посмотрел на Роан.

– Клэева девочка, – сказал он. – Сайлас как?

– Жив.

– Хорошо. – Он помолчал. Веки опускались. – Рыжая и ко мне приходила. Весной ещё. Сидела вот тут, где ты. Про то лето спрашивала.

Роан не шевельнулась.

– Я ей ничего не сказал, – пробормотал Альберт. – Клэев не сдают.

Он закрыл глаза и уснул.

Роан сидела на краю кровати. Ладонь у неё лежала на одеяле, и она смотрела на неё и не могла убрать.

Что он знает? Что видел той ночью, сорок лет проходя по канавам? Или просто знает, что Клэи берут больше, чем им положено? Или ничего не знает, а говорит так, как говорят все в Морсли про всё?

Спросить было нельзя.

Она подняла глаза. Дэнни стоял в дверях, освещённый лампой. Светлые кудри, ресницы, лицо мальчишеское, растерянное. Она вспомнила, как его, маленького, сажали в церкви на переднюю скамью, прямо под витражом с ягнёнком, чтобы не вертелся. И бабы шептались: гляди, одно лицо. Так и прозвали: Агнец. Он до сих пор краснел, когда кто-нибудь из стариков так его называл.

– Хватит до утра, – сказала Роан и поставила пузырёк на тумбочку. – Утром дашь ещё ложку. Не больше. Больше нельзя.

* * *

Дэнни проводил её вниз. На крыльце остановился, придержал дверь. Ночь стояла серая и сырая, где-то в канаве квакала лягушка.

– Спасибо, Роан.

– Не за что.

Она уже шагнула с крыльца, когда он сказал:

– Роан.

Она обернулась. Дэнни смотрел не на неё, а куда-то ей за плечо, в темноту.

– Городская сегодня про тетрадь спрашивала. Ну, которую Гарнет нашла. – Он сглотнул. – Она говорит, в субботу сама тот комод отодвигала. И за ним ничего не было. Пыль одна.

Роан молчала.

– Она думает, вы врёте, – сказал Дэнни совсем тихо. – Я подумал, вы знать должны.

Лицо у него было несчастное. Он понимал, что сейчас сделал. Полицейский, на дежурстве, рассказывает свидетельнице, о чём думает инспектор.

– Дэнни, – сказала Роан. – Ты меня сегодня не видел.

– Я вас никогда не вижу, Роан, – сказал он. – Вы ж знаете.

И закрыл дверь.

Роан пошла домой. Не задворками, а прямо по улице, мимо тёмного клуба, мимо церкви. Витраж в темноте был чёрный, ягнёнка не видно.

Она думала о городской. Та уже шла по следу. Не по тому, по которому надо, но шла, и шла быстро.

И думала об Альберте. «Клэев не сдают». О Гарнет, которая взяла тетрадь и ничего не спросила. О Мэгги, которая видела Нелл у калитки и промолчала. О Дэнни, который только что предал свою начальницу ради пузырька макового чая.

Пять лет деревня молчала. Может, не знала, может, знала, но молчала. Роан всю жизнь думала, что это Клэи держат Морсли. Что смотритель стоит над полем, над людьми, над их хлебом.

А выходило наоборот. Это Морсли держало её.

Своих не отдают, подумала Роан. Теперь её очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.